

Янош Мартони

Европа в глобальной системе

Мы знаем или лишь чувствуем, что нас ждут бурные десятилетия? Некоторые аспекты широко обсуждаемых глобальных проблем уже стали трагической реальностью. Безжалостная бедность, изменение климата, СПИД и другие новые вирусы – уже больше не просто угрозы, а неоспоримые факты. Асимметричная война началась с появлением организованного терроризма, который в первую очередь стремится разрушить систему ценностей, культуру и образ жизни цивилизации, а не захватывать человеческие или природные ресурсы и завоевывать территории.

В этой асимметричной войне у атакованной цивилизации нет выбора, кроме как защищаться и бороться за себя. Это, однако, не освобождает цивилизацию от исследования и выявления основных причин этой войны, так как война может быть выиграна только установлением причинной взаимосвязи.

В то время как западный мир занят яростными интеллектуальными дебатами о положительных и отрицательных аспектах глобализации, равно как и о способах эксплуатации ее преимуществ или смягчении и предотвращении ее отрицательных воздействий, миллиарды людей не знают, что означает глобализация, они – где-нибудь в Судане, Руанде или в другом месте – умирают от болезней и войн или просто от голода. Несколько лет назад было возможным безнаказанно убить тысячи людей, включая детей, в сердце Европы под молчаливое одобрение солдат, посланных глобальной между-

народной организацией. Однако реальные пострадавшие от глобализма вынесены за его рамки. Никто больше не хочет эксплуатировать или колонизировать их – о них попросту забывают.

Что касается системы международных отношений, преобразование биполярного мирового порядка в монополярный прошло удивительно гладко и стоило относительно малых жертв. В то время как одна из супердержав выбыла из гонки, другая получила доминирующее глобальное положение. Военная конфронтация закончилась, вместимость ядерного арсенала была уменьшена, и ободряет то, что общий ядерный арсенал, необходимый для разрушения всего мира, уменьшился от приблизительно десятикратного к шестикратному. Политическая, экономическая и военная сила единственной супердержавы тоже не безгранична. В то время как ее пределы очевидны, не каждый в состоянии точно измерить их. Однако реальной проблемой является то, как, при каких обстоятельствах и с какими последствиями существующая полностью монополярная система будет в течение следующих десятилетий преобразовываться не в биполярную, а в многополярную систему. Пройдет ли в этот раз эта перестройка гладко, или тектонические движения вызовут более мощные землетрясения? Основываясь на демографической, политической, экономической и военной силе развивающихся азиатских держав, появились несколько предсказаний и все более и более точных сценариев роста и «конвергенции», но об одном все же забыли, а именно: о том, что за всю историю ни один прогноз относительно будущего, основанный на экстраполяции от существующих данных, не мог считаться правильным. (Возможно, мы не должны и пытаться размышлять о времени, необходимом, чтобы догнать Австрию, мы просто должны сделать что-то, чтобы достигнуть этого.) Несмотря на развитие этих процессов, перестройка силовых отношений неизбежна, если мир все же был бы не в состоянии эффективно управлять и приспособливаться к ним, опасность могла бы стать глобальной и фатальной. Что касается будущего, многие усматривают

возможность создания ситуации, в которой глобальные риски и угрозы могли бы привести к развитию «недобровольных сообществ», *communauté involontaire* (Mireille Demas-Marty), которые – как глобальное сообщество – повторно перекраивают себя и пересматривают свои интересы в стремлении отразить очевидные опасности. В конечном счете, это может привести к развитию глобального управления, но в настоящее время это пока лишь оговорка. С другой стороны, глобальное управление – отдельно от признания и выявления глобальных рисков и угроз – должно также предписать ряд приемлемых универсальных и абсолютных ценностей, которые составили бы основу для того, чтобы противодействовать этим угрозам, и которые должны быть санкционированы независимо от цивилизационных («культурных») расхождений. Подтверждая универсальные и абсолютные ценности, недобровольное сообщество стало бы реальным добровольным сообществом, *communauté volontaire*, созданным на основе логических познаний и решений, отражающим каждую угрозу, подвергающую опасности его основные ценности, включая человеческую жизнь и достоинство, как и права человека в целом. Такое просвещенное сообщество нуждается в институтах, основанных на познавательных и законных ценностях, а также нормах, отражающих эти ценности, которые порождают эффективные юридические инструменты для борьбы с глобальным потеплением или с терроризмом и противостоянию проблемам глобальной денежно-кредитной системы, которые могли бы явиться результатом экономических неравенств или противоречий.

В действительности ничто не может заменить глобальную институциональную и нормативную систему защиты. В то же время, глобальных действий самих по себе недостаточно: необходимо установить региональную защиту или защиту континентального типа, а также и систему охраны. Следовательно, появление глобальных угроз и медлительных запоздалых ответов на них увеличивает роль и важность региональных процессов интеграции. Но эти глобальные угрозы также

усиливают основанные на ценностях мировые сообщества, которые представлены Атлантическим союзом вместе с основными идеалами Атлантического сообщества и Атлантической концепции. Следовательно, процесс европейской интеграции в последующие несколько десятилетий должен не замыкаться, а лишь усиливаться – из-за отсутствия глобальной защиты или ее развития; это оградило бы ее участников от вредных воздействий внешних «космических лучей»... Это не означает изоляцию, словно в какой-то крепости, а наоборот – возможность защитить и разработать те ценности и средства, которые – по нашему представлению – сделали Европу Европой, которую мы находим нравственно приемлемой. Конечно, для этого нужны существенные предпосылки: мы должны взять ответственность за провозглашение этих нравственных суждений, то есть принять ответственность за самих себя, мы не должны стыдиться или отрицать нашу историю, традиции, культуры и ценности, то есть – самих себя. Таким образом, мы должны принять нашу европейскую причастность, которой мы можем достичь, только подтверждая наше присоединение также и к национальному сообществу. В результате мы должны приобрести новое пристанище, которое, возможно, имеет в первую очередь экономическую или политическую природу, но которое обеспечит кое-что более важное, а именно – культурную и духовную защиту.

Нет и не может существовать своеобразного атлантического или западного превосходства, о котором можно говорить, но все же мы должны верить в ценности нашей цивилизации, потому что при отсутствии такой веры мы не сможем защитить ни самих себя, ни глобальные и абсолютные ценности всего мира. Другими словами, мы можем встретить лицом к лицу внешние проблемы, только если сначала займемся внутренними сложностями и слабостями.

Следовательно, одна из самых главных задач процесса европейской интеграции в течение следующих лет и десятилетий состоит в том, чтобы преобразоваться в реальное сообщество – как мы и твердили столько времени – в «сообщество

сообществ» и, в качестве естественной части глобального сообщества, предложить защиту и безопасность ее членам перед лицом не поддающихся оценке и непредсказуемых опасностей глобального процесса. Процесс европейской интеграции и его институты долго обеспечивали такие «щиты» для государств-членов и их граждан. Непрерывно встающим вопросом является то, что, прежде всего, достижение европейской интеграции состояло в том, что она обеспечила мир и безопасность для Континента после мировых войн. (Однако я не считаю, что государства-члены Совета Европы и НАТО – Франция и Германия – вступили бы в войну друг с другом.) С другой стороны, общая валюта, например, действительно обеспечивает защиту для государств-членов, так как якобы гораздо труднее выступать против евро, чем против валют одного или другого государства-члена.

Общая валюта обеспечивает защиту не только от внешних дельцов, но предусматривает и старается поддерживать относительную гармонизацию различных экономических политик, а также проводить в жизнь предписанный уровень финансового порядка. Договор стабильности и роста не направлен против государств-членов; напротив, он отражает их общие интересы, в то время как его нарушение или неконтролируемое затормаживание служили бы интересу одного или другого государства-члена только поверхностно. В действительности, однако, это подвергает опасности весь режим, включая стабильность и надежность общей валюты, которая не должна служить интересам лишь одного из государств-членов. Что касается проблем финансовой дисциплины и бюджетного дефицита, даже иное характерно традиционное уравнивание не применяется, особенно из-за того, что временное нарушение баланса, увеличение размеров дефицита и сопутствующее увеличение спроса спровоцировало бы рост. Например, крах баланса спровоцировал бы более сильные темпы роста. Действительность показала только противоположное: среди 25 государств-членов Европейского союза те экономические системы, которые придерживаются параграфов договора

стабильности и роста, имеют более высокий темп роста, в то время как те экономические системы, которые не выполняют их, растут более медленно. Это относится к 25-ти как единому блоку, так же, как и к группе 15 и 10 отдельно. В этом отношении, кажется, нет никакого различия – по своей природе – между быстрее растущими группами новых и старых государств-членов.

Стабильность общей валюты относится к изначальным и главным интересам и европейской интеграции, и государств-членов. Всемирная денежно-кредитная система хрупка, американская экономика борется с огромным дефицитом платежного баланса, и этот дефицит может быть уравновешен только притоком китайских, японских и немецких финансовых инвесторов. Проще говоря, равновесие самой важной мировой экономики в настоящее время финансируется доходом от китайского активного торгового баланса, но это финансирование может поддерживаться только до тех пор, пока Китай в состоянии удерживать такое торговое преимущество, основанное в первую очередь на дешевой рабочей силе. Другими словами, режим работы денежно-кредитной системы в настоящее время зависит от исключительно дешевого и эффективного труда многомиллионной китайской рабочей силы, но вопрос в том, как долго сможет продержаться подобная ситуация. (А именно: как будут несколько сотен миллионов вовлеченных китайцев вести себя через несколько лет или десятилетий?) С другой стороны, если появятся более глубокие трещины в глобальной денежно-кредитной системе, то давление на евро увеличит также и силу, и стабильность общей валюты, и основные экономические системы станут критическим фактором. Следовательно, в глобальной системе все связано со всем, а ее участники ответственны не только непосредственно за систему, но и, прежде всего, за самих себя.

Европейский союз также пытается предоставить защиту национальным культурам и языкам, тогда как запросы объединенного рынка часто сталкиваются с попытками укрепить и поддержать разнообразие культур и языков, так как довольно

трудно достичь хрупкого баланса между жизненно важными экономическими критериями, необходимыми для создания объединенного рынка, и сохранением культурного разнообразия. Однако недавние события, кажется, показали, что практические аспекты, касающиеся укрепления объединенного рынка, получили приоритет над лингвистическим и культурным разнообразием. Например, Европейский суд не демонстрирует большую щепетильность относительно лингвистического и культурного разнообразия. Многие уже жалуются, что «мультилингвизм» постепенно становится простой беллетристикой в юридической литературе; притом существует двадцать подлинных и официальных рабочих языков, категория так называемых «регулярно используемых» языков все же показывает, какой из них является по сути единственным языком, – это английский язык. Такая победа английского языка и внутри европейской интегративной системы, и в глобальном мировом порядке содержит некоторые угрозы традиционной запутанной судебной культуре и концептуальной системе индивидуальных стран. Поскольку закон может быть выражен только через язык, не существует других инструментов, и вся концептуальная система и своеобразные способы мышления, с нею связанные, выливаются исключительно в форме лингвистических выражений. В этом отношении существует противоречие между единым законом сообщества – который является предварительным условием для работы объединенного внутреннего рынка – и принципами мультилингвизма и мультикультурализма. Не существует определенного решения этой дилеммы, но учреждения сообщества также опасаются этой дихотомии, следовательно, и не удивительно, что они используют различные инструменты для поддержки языков маленьких и средних стран, включая наименее распространенные. Сохранение разнообразия является основной европейской заботой, так как оно – сущность «европейскости», которая и отличает нас от прошлых и настоящих империй. Немного утешает тот факт, что тенденция, которая угрожает нашей лингвистической, культурной и

судебной концептуализации, является не только европейским, но и глобальным явлением.

Однако эффективная ратификация защиты против внешних угроз имеет два предварительных условия. Во-первых, интегративный процесс не должен полагаться лишь на пассивную защиту и просто реагировать на факторы риска, он должен идентифицировать вырисовывающуюся угрозу и вовремя реагировать на нее. Кроме того, проблему не должно просто исключать или преуменьшать, а следует гармонично и эффективно решать ее. Во-вторых, близко связанное с этим условие предполагает, что невозможно действовать быстро, решительно и согласованно, располагая лишь хрупким набором инструментов и еще более хрупким складом ума и духовным расположением. Это положение относится в первую очередь не к общеизвестному кризису европейской интеграции, а к уязвимости демократической системы и постоянного метода работы режимов государств-членов. Мы ошибаемся, если думаем, что кризис европейской интеграции происходит исключительно из-за европейского процесса интеграции, его институциональной системы, конкурентоспособности, демографической ситуации и других проблем, приписанных европейской интеграции. С тех пор как было сказано о проблемах и кризисе процесса интеграции, прошло достаточно времени, чтобы исследовать реальные причины этого затруднительного положения: есть ли более глубокая проблема с режимом, который бесспорно является лучшим (или наименее плохим), а именно – с современной демократией. Уязвимость и «дефицит» ни в коем случае не являются специфической особенностью европейского институционального механизма, недостатки в демократичных действиях интегративных институтов являются, в конечном счете, отражением существующей несовместимости в демократических режимах государств-членов. За состояние «хрупкой демократии» ответственны несколько факторов, которые вообще отличают в настоящий момент государства-члены. Бесспорно, политическая маркетинговая политика играет определенную роль в этом

отношении, но Хосе Мария Аснар прав в обращении к «свету лидерства», и во всех отношениях прав и Бернар Анри Леви, указывая на страсть к неведению (*passion pour l' ignorance*). Если бы мы были не в состоянии понять эту основополагающую взаимосвязь, мы столкнулись бы с проблемой разрешения таких парадоксов, как французское и голландское неприятие европейской конституции. Один из таких парадоксов касается институциональных изменений, предложенных в конституционном договоре, прежде всего в отношении сокращения очень критикуемого демократического дефицита, однако изменениям воспрепятствовали, так как люди демократически их отклонили. Если интеграция больна, она больна, потому что что-то не так с ее составляющими частями, и пока мы не залатаем эти прорехи, преодолеть проблемы и кризис интеграции будет трудно. Однако это не означает, что не нужны определенные действия на интеграционном уровне. Напротив, ускорение процесса интеграции могло бы облегчить укоренившиеся проблемы и взаимодействие между государствами-членами, а процессы интеграционного уровня могли взаимно уменьшить распространенный дефицит.

Существует проблема с европейской интеграцией, но не столь большая, какой некоторым хотелось бы ее представить. Верно, однако, что все, что было достигнуто в ходе строительства Европы в течение второй половины столетия, сегодня считают банальностью и чем-то «само собой разумеющимся», и потому как бы неинтересным и скучным. Эйфория испарилась, и стоявшее у истоков творческое интеллектуальное и политическое поколение исчезло, как и искусство преданно управлять государством, и миссионерское рвение, которое обеспечивало моральную и интеллектуальную силу и веру для многих после больших мировых апокалипсисов. Европа якобы теряет вес и экономическую энергию, но прежде всего – свою умственную и духовную силу. «Квазиснижение» началось несколько лет назад и в демографическом, и в экономическом смысле, и мы уже не можем излучать свою силу «европейского духа» с той же мощью, что и раньше. Европейская

конкурентоспособность уменьшается, безработица растет, и обильные дистрибутивные системы, которыми управляют государства-члены, подвержены колебаниям, в то время как – главным образом из-за демографических процессов и стареющего населения – мы теряем позиции в глобальной системе.

Политическая среда, основанная на невежестве, постоянно снижающийся стандарт средств массовой информации и иррациональные инстинкты дают ответ: за все это является ответственным Европейский союз, а именно: процесс интеграции, так как полстолетия назад у нас подобных проблем не было. (Так же, как западноевропейские граждане отказываются вспомнить более серьезные проблемы, существовавшие ранее, житель восточной Европы менее склонен вспоминать пустоту, бедность и притеснения в мире «живого социализма»...) Следовательно, защитный механизм против глобализма становится главным действующим лицом глобализма; следовательно, барьер к конкурентоспособности, то есть к благосостоянию и социальной системе, берет начало на уровне государства-члена и системы взглядов – которые столь же разнообразны, как это может быть в государствах-членах – и становится детищем Брюсселя (или это определенно точно Брюссель, который хочет разрушить это); кроме того, закон сообщества, который стремится частично уменьшить и стандартизировать развивающееся государственное сверхрегулирование и вмешательство в большинстве государств-членов, становится главным источником бюрократии и государственного вмешательства. Якобы новая (налоговая) конкуренция, порожденная новыми государствами-членами, ответственна за безработицу, не говоря уж о появлении ныне легендарного «польского сантехника» на западном европейском трудовом рынке, который, с множеством коллег, вышел на рынок, что сигнализировало о нехватке тысяч человек в профессии сантехников.

Однако это не должно означать, что европейская интеграция и связанная с ней институциональная система безупречна. Напротив, в европейской интеграции может быть найдена

причина для провала, и найдена в Европейском союзе, потому что история успеха достигла таких высот, что кризисы были решены только частично и поверхностно. Общий и вытекающий из него внутренний рынок обеспечил такие выгоды, что дихотомические институты в государствах-членах действительно ограничивались, но склонность Брюсселя к регулированию также стала неуправляемой, и чрезмерные полномочия институтов вкупе с минимальной демократической законностью могут разрушить авторитет и власть институтов Европейского союза, даже если лидеры государств-членов не будут использовать каждую возможность прибегать к институтам Союза как к козлам отпущения для проблем, вызванных своей собственной некомпетентностью, и для отстаивания своей близорукой политики. Остальное известно. Режим стал малопонятным, демократический дефицит увеличился, и на фоне прочего стало ясным, что институциональная юридическая система должна быть пересмотрена – необходима более прозрачная, более простая, более демократическая в области регулирования и более эффективная Европа.

В конечном счете, конституционное соглашение пыталось найти решения вышеупомянутых проблем. Несовершенные решения, но найденные путем трезвых и прагматических компромиссов, так как никакими другими средствами и не могут осуществляться решения во время строительства Европы в его поворотные моменты. Следует также признать, что нет никакого понятия неделимого европейского будущего, которое удовлетворяет каждого, или объединенной экономической модели. (Следовательно, дебаты о «социальной модели» не имеют смысла.) Новое основополагающее соглашение – названное конституционным соглашением исключительно в коммуникационных целях – стремилось создать более сильную Европу, основанную на более прозрачной и менее сложной системе, с большей демократией и расширенной международной ролью, так же как созданием институционально-юридических условий этого. Теперь оно якобы потерпело неудачу, и одержала победу иррациональная политическая

безнравственность, эксплуатировавшая реальные проблемы и опасения в политических целях. Таким образом, в глазах многих, европейская интеграция – а поэтому и ответ на глобализацию – вместо того чтобы стать решением, сама стала проблемой и даже козлом отпущения.

Подходящим ответом могло бы стать Соглашение, основанное на семилетней бюджетной перспективе. Оно, однако, так и не появилось, и в этой ситуации фиаско ухудшило кризис; с тех пор как были открыты дебаты, ни разу не было возможности достичь соглашения с первой попытки. Притом что психологический эффект весьма драматичен, положительный результат все же имеется – или мог бы быть достигнут.

Потребность в преобразовании процесса европейской интеграции стала очевидной для каждого. Мы видим и знаем, что Европа сегодня должна ответить на новые угрозы и решить новые проблемы. Очевидно, что европейские граждане одобряют процессы интеграции, если они увидят, что она решает их реальные проблемы, создает более конкурентоспособную Европу, увеличивает занятость и обеспечивает равноправное положение для Континента в глобальной системе. По всей вероятности, эти цели куда менее вдохновляющие, но, по крайней мере, столь же важные, как подобные им полвека назад. В новой ситуации и перед лицом новых проблем необходимы новые решения и – по моему мнению – дальнейшее развитие европейской интеграции могло бы быть успешным ответом. Мы не должны забыть, что Европа стала континентом мира, безопасности и процветания, и мы не должны позволить заменить это недоверием, ненадежностью и опасением. Необходимы новые взгляды и лидеры. И кое-что еще: уважение, принятие и одобрение европейских ценностей и прошлого. Пол Джонсон цитирует Поля Валери, который настаивает на том, что строительство Европы – «моральный вопрос». Мы должны верить, что эта «скучная Европа» тоже имеет душу, которую мы должны ощущать и в нашей каждодневной жизни.

Существует потребность в новом основополагающем соглашении во всех сферах, независимо от того, называем ли мы это конституционным соглашением или основополагающим соглашением Европейского союза. Сферы ответственности должны точно регулироваться, установленный режим должен быть более прозрачным и простым. Эти три «столпа» должны быть объединены, источник закона (акты сообщества и Союза) должен быть упрощен, роль Союза в пределах глобальной системы должна быть увеличена, и должны быть созданы соответствующие институциональные и юридические условия. Должно быть понятно, что основной задачей соглашения не является занятие позиции, учитывающей проблемы экономических и социальных моделей, так как это – основная задача конституций и международных соглашений, в особенности – в определении ценности и фундаментальных прав, в то время как политические дебаты в определенной исторической ситуации должны обеспечить ответы на вопросы, касающиеся экономических и социальных проблем в любом предоставленном наборе требований и отношений власти. Это должно быть общепринято, потому что Европа также многогранна в отношении экономических и социальных моделей, таким образом, унификация (*Gleichschaltung*) – также не подходящее решение в этом отношении.

Пока европейская интеграция еще не разразилась, также ясно, что ее будущее развитие не может происходить квантовыми прыжками. Напротив, возможны как медленный распад и деградация, так и альтернатива трудного, органичного развития. Существует кризис. В такой ситуации ответственность утомленных сражением и опустошенных политических деятелей огромна, а обязанности новых государств-членов оказались внезапно возросшими. Следующие несколько месяцев и лет покажут, способна ли Центральная Европа стать интеллектуальным и экономическим источником энергии для возобновления процесса строительства Европы.

Мы, жители Центральной Европы, привели доводы в пользу того, что расширение Европейского союза или реальное

воссоединение Европы лежит в поле интересов всего Континента, так как только этот путь может открыть Европе доступ к новым ресурсам энергии, которые могли обеспечить стимул для интеграции, экономического развития, культурного и морального обновления, так же как и к укреплению самосознания и уверенности в себе целого Континента. Однако верно и то, что мы часто высказывали наши сомнения в этом отношении, хотя и верили и все еще полагаем, в сущности, что Центральная Европа в состоянии принять эту экстраординарную функцию и таким образом восстановить ту историческую роль, которую она заслуживает ввиду ее традиций, культуры, научных и предыдущих экономических достижений. Может ли Центральная Европа принять этот вызов, предпринять меры и соответствовать обязанностям и задачам, которые он ей предписывает?

Слишком рано давать однозначный ответ на этот вопрос, тем более что это – длительный процесс, следовательно, эти вопросы будут возникать еще неоднократно, и мы постоянно будем сталкиваться с новыми проблемами и угрозами. Однако с формальной даты воссоединения прошло больше года, и никуда не деться от выводов в отношении событий даже за столь краткий период. Кроме вопроса, внесли ли новые государства-члены свой вклад в интеграционное развитие или обеспечили ли они новые силы для процесса строительства Европы, необходимо также задать вопрос о том, были ли они благоразумны с преимуществами, полученными от членства, так как мы засвидетельствовали, что присоединение к европейскому процессу интеграции обеспечивает в первую очередь прямую защиту от внешних угроз и увеличивает доверие внешнего мира по отношению к членам интегральной системы. Однако от новых государств-членов зависит, сохранят ли они и увеличат ли это преимущество собственными достижениями, или, наоборот, растратят его и потеряют доверие, обеспечившее им членство во всемирной и бесспорно наиболее развитой и успешной экономической и политической интеграционной системе.

Что касается процесса строительства Европы, то то, что полтора года после воссоединения не могут считаться успешным периодом, является особой исторической неудачей. Европейская интеграция вошла в фазу бесспорно серьезного кризиса только после того, как вышли на сцену новые государства-члены, и некоторые все еще думают, что эти два события взаимосвязаны, даже когда ясно, что корни кризиса намного более глубоки и куда старше. Так же неоспоримо, что природа проблем, вызванных расширением, такова, что их можно было бы уменьшить или вообще избежать при его лучшей подготовке.

Сегодня очевидно, что лидеры этих 15 стран были не в состоянии подготовить и проинформировать общество в отношении европейского воссоединения. Тема редко всплывала в политических дискуссиях, так как не являлась явной проблемой – постоянно стоящей на повестке дня, которая обеспечила бы победу на выборах. Появилось два параллельных дискурса: один – в сфере внешней политики, в то время как политические лидеры использовали внутреннее общественное мнение. Поначалу первый был встречен с осторожностью, но впоследствии все более и более восторженно и с более явной политической поддержкой, в то время как второй был покрыт относительным мраком.

Что касается стран-кандидатов, некоторые проверки соответствующих уровней подготовленности – или скорее ее недостаточности – действительно имели иногда место, но политическая элита решила, что лучшим решением будет умолчать об этом вопросе. Это происходило лишь усилиями главных телевизионных каналов в течение последних недель перед 1 мая 2004 года, которые попытались хотя бы ознакомить западное европейское общественное мнение с названиями новых стран и их столиц. После 1 мая, однако, СМИ более сосредоточились на отрицательных событиях и оценках, так что была создана ситуация, в которой одной из причин отклонения конституционного соглашения – хотя и не обязательно

главной – был скептицизм в отношении расширения, а главным образом – опасения будущего расширения.

Невежество большей части западного общественного мнения относительно Центральной Европы со временем уменьшится, и одним из главных достижений воссоединения будет конец умственной изоляции длиной в четыре десятилетия, по крайней мере для следующих поколений. Еще более важно развитие внутренней политической и экономической системы новых государств-членов и, прежде всего, их способность интегрироваться в сорокалетнюю органичную эволюционную прогрессию. В этом отношении картина скорее смешана, одинаково включая положительные и отрицательные элементы. Бесспорно, норма экономического роста новых центрально-европейских государств-членов значительно превосходит рост 15 стран, и также понятно, что большинство этих стран – в терминах Маастрихтских критериев – медленно, но верно приближается к уровню «еврозрелости», в то время как некоторые его уже достигли. С другой стороны, существуют новые государства-члены, которые не продвигаются в этом отношении, а лишь удаляются от этих критериев. Особенно новое государство-член, которое в течение третьего года подряд зависит от внешнего финансирования в размере 8-10% ВВП, все более и более увеличивает государственный дефицит, предписанный в ежегодном бюджете, и в котором ни одни из бюджетных данных, имеющих отношение к прошлому, настоящему или будущему, не соответствуют действительно, и – вместо того, чтобы честно разобраться в этой ситуации – прячется в усилении политической риторики, постепенно иссушая лимит доверия, полученный благодаря членству в Союзе. Предотвращение денежно-кредитного краха явилось самым важным достижением этого государства-члена в течение первого года членства в союзе. Следовательно, мера предосторожности, предписанная европейской интеграцией, вошла в силу, и Союз выполнил его защитные функции в региональной интеграции против внешних и глобальных рисков и угроз. Однако эта защитная функция ограничена. В

настоящее время европейские учреждения недостаточно сильны, чтобы эффективно излагать по крайней мере свои собственные требования. Если эти институты вовремя не вмешаются, то рано или поздно это сделает рынок – с иррациональной скоростью и преувеличением. Цель установленного вмешательства должна состоять в возможности отвечать на эту внезапную и раздутую реакцию рынка и парировать такие опасности.

Существуют также и другие виды проблем в новых государствах-членах. Государственная бюрократия якобы относительно быстро приспособилась к условиям рыночной экономики и демократического конституционного государства, в то время как все более и более серьезная, ищущая выгоды, основанная на политике и непосредственно финансируемая коррупция заменила коррупцию «живого социализма», которая была основана на натуральных платежах и бартере. В этом отношении политическая и бюрократическая элита центрально-европейских стран, с одной стороны, эксплуатировала эти явно «прогрессивные» традиции, в то время как узнала и новые современные методы экспроприации, которые характеризуют свободный рынок, – с другой. Результат оказывается угнетающим, и это якобы также угрожает успеху исторических, экономических, культурных и научных свершений.

Возможно самое большое достижение изменений режима – создание демократического конституционного государства. Институциональная и юридическая система – несмотря на ее недостатки и трудности – функционирует. Однако мы должны охранять конституционное государство одновременно в самом государстве-члене и точно так же на европейском уровне. В этом отношении европейские институты должны подавать пример, так как только этот путь поможет им приобретать политическую и моральную власть, которая необходима, чтобы эффективно давать конкретному государству-члену рекомендации об инцидентах перекашивания и недостатках, так же, как и применять функцию защиты, необходимую не

только для того, чтобы отражать внешние опасности и риски, но и для того, чтобы разбираться с внутренними слабостями.

Во всех смыслах этого слова процесс безызыточности будет труден и длителен. В этой прогрессии 1 мая 2004 года было не окончательной остановкой, а лишь окончанием очень важной главы. Следующий период может стать успешным, только если Центральная Европа станет более уверенной в себе, примет себя, будет гордиться своими традициями, культурой и неповторимостью, равно как и начнет постепенно терять чувство неполноценности, внутреннего беспокойства и исторического невроза. Мы должны принять самих себя и сравнить с другими. Если это удастся, нам не нужно будет делать что-то большее, чем просто убеждать Европу соглашаться на то же самое, а именно – на то, что Европа должна принять себя и собственные ценности и верить в саму себя и свое будущее и, прежде всего, в успех процесса европейской интеграции.

Статья *Europe in the Global System* из специального выпуска журнала „Foreign Policy Review“ (Volume 3, No. 1-2, 2005, С. 66-76), посвященного перспективам польско-венгерских отношений и изданного совместно Институтом Teleki Lbszly и Польским институтом международных дел

С английского перевел А. Горлов
(перевод неавторизованный)